

Дженни
Проктор

ТОЧНО
НЕ ВЛЮБЛЕНА

Freedom. Жаркий лед. Хоккейная романтика

Дженни Проктор
Точно не влюблена

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)6-44

Проктор Д.

Точно не влюблена / Д. Проктор — «Эксмо», 2023 — (Freedom. Жаркий лед. Хоккейная романтика)

ISBN 978-5-04-249279-2

Дженни Проктор — автор бестселлеров Amazon. Она пишет истории любви, которые надолго оставляют след в сердцах читателей. У меня всего два требования к мужчинам: любить книги и НЕ любить хоккей. Вот почему мой сосед, загадочный Феликс Джеймисон, меня совсем не привлекает. Пока он не выбросит хоккейные коньки куда подальше, нам не по пути. Но затем он вдруг появляется на моем симфоническом концерте. Я уже упоминала, как он горяч в хоккейной форме? Но у меня сложные отношения с хоккеем, потому что в него некогда играл мой брат, и я не знаю, хочу ли снова быть частью этого мира. Но что-то мне подсказывает, что Феликс вот-вот изменит мое мнение...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-04-249279-2

© Проктор Д., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Дженни Проктор Точно не влюблена

Copyright © 2023 by Jenny Proctor Creative

© Кузьменко Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Иллюстрация на обложке *Мари Великодная (kromaha)*

* * *

*Джошу
Феликс во многом парень мечты,
и он определенно был вдохновлен тобой.*

Глава 1 Грейси

У хоккея весьма характерный запах. Ну или, по крайней мере, у хоккейной экипировки. Я бы эту вонь узнала где угодно, но *почему* я чувю ее в своем доме?

Я роняю сумку на пол лестничной площадки и оглядываю небольшой коридор, ведущий к моей входной двери. Нет ни единого дюйма свободного пространства. *Весь* коридор завален хоккейной экипировкой.

Коньки, защита, клюшки. Шлемы. Сумки, доверху набитые толстовками.

Что это все такое? И *почему* оно так отвратительно пахнет?

Мой сосед играет за «Аппи», хоккейную команду низшей лиги Харвест-Холлоу, но, насколько мне известно, он свою экипировку домой никогда не приносил. И уж точно я никогда не видела ее в коридоре. К тому же здесь снаряжения столько, что на целую команду хватит.

И еще более важный момент: мне никоим образом не удастся попасть в свою квартиру – по крайней мере, не с виолончелью в руках.

С *очень* раздраженным вздохом я беру ближайшую ко мне хоккейную клюшку и стучу ею в стенку, чтобы Феликс услышал. Его квартира – первая из двух по одной стороне коридора. Моя как раз вторая, но здесь навалено так много всего, что я даже не могу до *его* двери добраться, чтобы постучать, как цивилизованный человек. Но в этой конкретной ситуации вовсе нет ничего цивилизованного, так что меня вполне устраивает компромисс.

– Феликс! – ору, как хочется надеяться, достаточно громко, чтобы он меня услышал. Я стучу еще несколько раз, чтобы наверняка.

Неужели мне *никогда* не избавиться от присутствия хоккея в моей жизни? Разве недостаточно того, что мой брат играл *все* наше детство, отнимая все время и внимание наших родителей своими играми, тренировками и бесконечными соревнованиями по выходным? А теперь мне приходится пробираться через целый оползень поношенной хоккейной экипировки лишь для того, чтобы добраться до своей входной двери?

Неужто у вселенной нет никакого сострадания?

Дверь Феликса открывается, и он появляется в проеме с обеспокоенным выражением лица, одной рукой опираясь на косяк.

– Грейси? Что случилось? Ты в порядке? Я слышал, как ты кричала.

Капелька воды срывается с волос Феликса и приземляется на его грудь – его *очень обнаженную* грудь, – а затем продолжает свое путешествие вниз. Мой взгляд следит за этим действием, скользя вниз по подтянутому, атлетичному телу Феликса, пока я не ловлю себя на этом – *ох, вот же черт*. На этом мужчине нет ничего, кроме пары черных трусов-боксеров.

Я сглатываю, рассматривая все впадинки и изгибы его мускулистого торса. Взгляд цепляется за тень, как мне *кажется*, татуировки на внутренней стороне левого бицепса Феликса. Я снова сглатываю, когда в горле вдруг пересыхает. Не то чтобы я никогда не замечала, что Феликс красив. Он профессиональный спортсмен ростом почти сто девяносто сантиметров. Чего-либо в нем *не заметить* попросту невозможно, несмотря на то, что он достаточно тихий. Но я с первого дня знала, что он – хоккеист. Этой мотивации мне достаточно, чтобы не давать себе по-настоящему к нему присматриваться.

Я и хоккей? Мы никогда не были хорошей комбинацией. Сноска: вышеупомянутое детство, доверху заполненное этим видом спорта.

Но у моих глаз, кажется, имеется свое мнение на этот счет, поскольку они на добрых пятнадцать секунд перехватывают контроль над моим мозгом.

Но нет. *Нет! Не пялься, мозг!*

Я слегка мотаю головой и наконец поднимаю глаза к потолку.

– Боже, Феликс, мог бы хотя бы штаны надеть, – в итоге выпаливаю я.

Он бросает взгляд вниз и морщится, а затем отпрыгивает за дверь.

– Прости. Прости меня! – говорит он из своей квартиры. – Я как раз одевался, когда ты начала стучать, а потом я просто... *побежал*. Я думал, ты поранилась.

Мое сердце слегка разбухает. Что-то в его беспокойстве кажется таким милым. И тот факт, что он не *нарочно* открыл дверь полураздетым, делает его гораздо менее... ну не знаю, наглым? Хотя Феликс никогда и не казался мне наглым. Не то что тот его товарищ по команде – Элай, что ли? – который взял себе за правило стучать в мою дверь и звать меня на свидание в качестве бесконечной шутки. Ну, для него это шутка. Для меня же лишь еще один источник раздражения.

Я вздыхаю.

– Не поранилась. Просто застряла. *Что* это все такое?

– Дай мне секунду, – откликается Феликс, и голос его звучит далеким, когда он уходит куда-то в глубь своей квартиры.

Минуту спустя он возвращается, одетый в спортивные штаны и простую белую футболку, уже усеянную капельками воды с его все еще влажных волос.

– Это старое снаряжение, которое занесли ребята из команды, – говорит он. – Я его завтра отнесу в молодежную хоккейную лигу. – Он поднимает две громадные сумки и затаскивает их в свою квартиру, причем с таким видом, будто они вообще ничего не весят. Он подбирает связку хоккейных клюшек, сует их под мышку, а потом хватается за шлем, который откатился к моей двери.

– Извини. Я думал, что успею сходить в душ и занести все это внутрь, прежде чем ты вернешься домой.

Я понемногу продвигаю свой футляр с виолончелью вперед по мере того, как он убирает снаряжение.

– Все нормально, – говорю я, пускай даже мой тон звучит колючим и резким.

Он сощуривает глаза.

– Уверена?

– Точно. Ты, наверное, просто привел в действие остаточный постхоккейное-детство травматический стресс, но я это переживу.

– Ты играла в хоккей? – спрашивает он, поднимая брови.

– Ха! Нет. Определенно нет. А вот мой брат играл. И уж поверь мне – он провел на льду столько времени, что нам обоим хватит. – Я прислоняю свою виолончель к стене и поднимаю сумку, смещая ее поближе к двери Феликса.

– Так, значит, это *он* является причиной, по которой ты так ненавидишь хоккеистов.

Перед глазами на миг всплывает Гэвин, мой первый настоящий парень и единственный из всех них, кто когда-либо играл в хоккей. Если уж кого и можно винить в моем отвращении к хоккеистам, так это его. Но моя неприязнь простирается слишком глубоко, чтобы ее всю свалить на одного-единственного идиота-старшеклассника, не умеющего себя вести.

– Я не *ненавижу* хоккеистов. Я просто ненавижу хоккей. Это разные вещи.

Феликс убирает от моей двери остатки снаряжения, расчищая путь, чтобы я смогла пронести свою виолончель по коридору.

– Хочешь, я ее занесу? – спрашивает он, отходя с дороги.

Я качаю головой, забрасывая виолончель за спину.

– Все нормально. Я уже тренированная. – Я открываю дверь, но медлю и вновь оборачиваюсь, прежде чем войти в дом. Находясь в такой близости от двери Феликса, я слышу, какая музыка у него играет.

– Это Чайковский?

Он кивает и запускает пальцы в волосы.

– *«Вариации на тему рококо»*.

Я киваю.

– Да. Я это знаю. – Это произведение я исполняла в качестве солистки с оркестром колледжа на последнем курсе.

Феликс уже не впервые упоминает классическую музыку, но это всегда было как-то общим планом. Брошенный вскользь комплимент чему-то, что я репетировала, а он услышал через стенку, или вопрос о том, что дальше будет исполнять симфонический оркестр. Но я считала, что он просто проявляет вежливость.

А это уже ощущается по-другому. Он на самом деле *слушает* классическую музыку? *Для удовольствия?*

Он складывает руки на груди и прислоняется плечом к стене возле своей двери, скрестив ноги в районе лодыжек.

– Значит, ненавидишь хоккей. Ты поэтому не соглашаешься на свидание с Элаем?

Я закатываю глаза.

– Я не хочу никуда идти с Элаем, потому что он слишком заносчивый, хотя хоккей делу тоже не помогает. Это мое довольно строгое правило.

– Не встречаешься с хоккеистами? – В его голосе слышен намек на разочарование, и я даже почти спрашиваю себя, а не показалось ли мне. Может, он просто из-за Элая расстроился?

– Не-а, – говорю я, запихивая эту мысль куда подальше. В любом случае, это неважно. – За первые восемнадцать лет своей жизни я на катке провела столько времени, что до конца дней хватит.

– Смотрела на брата, – говорит Феликс, и я киваю.

Скорее, *дулась* на своего брата, притворяясь, что смотрю. Но в этом слишком уж много семейной драмы, чтобы обсуждать с соседом.

– Я рад, что узнал это о тебе, – говорит Феликс. – Это многое объясняет.

Я открываю свою дверь и ставлю виолончель в дом, а потом копирую его позу, прислоняясь плечом к стене.

– И что это значит? Что объясняет?

Он пожимает плечами.

– То, как упорно ты меня избегаешь. Или то, как сильно ты хмуришься и закатываешь глаза всякий раз, когда ко мне приходят товарищи по команде.

– Твои товарищи по команде *громкие*, – говорю я. – Громкие, заносчивые и... огромные.

Он ухмыляется.

– Ну с громкими и заносчивыми согласен, но огромные?

– Гигантские, – говорю я. – И... – я пытаюсь подобрать правильное слово, но затем оно просто всплывает в моей памяти и кажется таким логичным, что я поверить не могу, почему никогда раньше его не использовала. – *Дикие*.

Феликс улыбается, демонстрируя ямочку, которую я никогда прежде не видела.

– Дикие?

Я поджимаю губы. Мне не нравится, что он находит это настолько забавным.

– Я знаю хоккеистов, Феликс. Я росла в их окружении, и они определенно *дикие*. Что же еще может заставить человека пристегнуть к ногам ножи и кататься по твердому, как камень, льду, отчетливо понимая, что его будут мутузить снова и снова? Это же безумие.

Если судить по моему опыту, то та же самая дикость просачивается в каждый аспект жизни хоккеистов – что ясно и четко продемонстрировал Изменщик МакИзменяшество Гэвин, – и это не та дикость, которую я хочу видеть в *своей* жизни.

Феликс долгий миг удерживает мой взгляд, а затем самую малость кивает.

– Видимо, ты нас знаешь как облупленных, – говорит он.

Пыл, столь явно звучавший в моих словах считанные секунды назад, испаряется в мгновение ока. Тон, которым Феликс это произнес, звучит... уязвленным. И на этот раз мне уж точно не показалось.

Прежде чем я успеваю это толком осмыслить или извиниться, он заходит обратно в свою квартиру.

– Еще раз извини за бардак, – говорит он. Он наполовину закрывает дверь. – Спокойной ночи, Грейси. – Затем его дверь закрывается и запирается, и я остаюсь в коридоре одна.

Хах. Одна и с таким чувством, что этот разговор закончился *не так*, как надо было.

Я захожу в свою квартиру и падаю на диван, пребывая не в духе. Сегодня пятница, так что я в любом случае устала. Но теперь я уставшая, *а еще* раздраженная, и мне хочется отмотать назад последние пять минут разговора, чтобы проиграть их заново.

Не то чтобы я не имела в виду то, что сказала. У меня нет абсолютно никакого желания вступать в отношения с хоккеистом. Но хоккей – это *профессия* Феликса. Я могла бы выразиться и помягче.

Я стону и скидываю туфли, а потом сворачиваюсь калачиком на диване. Если честно, я бы могла заснуть прямо сейчас и не просыпаться до завтрашнего утра.

В моем словаре у слова «усталость» есть два определения. Есть *обычная* усталость. Такая усталость, которую я испытываю после того, как схожу на пробежку или закончу очень напряженную репетицию в симфоническом оркестре.

А еще бывает усталость *учительская*.

Такая усталость не сравнится ни с чем другим на планете. Потому что выматываются не просто мои мышцы или мой разум. А разом и мышцы... и мозг, и эмоции, и нервы. Не говоря уже о моем эго.

Большую часть времени ученики средних классов милые, но вот во всех прочих случаях? Они буквально дьявольские отродья.

Мисс Митчелл, вы что, на размер поправились по сравнению с прошлым годом?

Мисс Митчелл, а почему у вас нет парня?

Думаете, вы КОГДА-НИБУДЬ выйдете замуж?

Вы сегодня забыли сделать прическу?

Вы ходите в этом ВЕСЬ ДЕНЬ?

Большую часть выходных – по крайней мере, тех выходных, которые я не провожу в оркестре, – мне только и хочется, что заползти в пижаму, заказать столько еды навынос, чтобы на три дня хватило, смотреть бессмысленные передачи по телевизору и забыть, что в понедельник утром мне придется вернуться к работе.

Все в порядке. *Я в порядке.* Я люблю свою работу. Руководить оркестром в Средней школе Харвест-Холлоу на самом деле было работой моей мечты, когда я училась в колледже. Жалеть я об этом не буду. Но я и правда научилась ценить выходные и лето.

Я стягиваю одеяло со спинки дивана и накрываюсь им, пытаюсь понять, насколько я голодная. Умерит ли мой голод попкорн и диетическая кола? Или же мой голод утолит лишь настоящий ужин? Готовить я уж точно не собираюсь, так что если я хочу поесть настоящей еды, то нужно сделать так, чтобы ее доставили к моему порогу.

Моя сумочка лежит на полу у журнального столика, так что я высовываю из-под одеяла ногу, подтягивая ее поближе, чтобы получилось достать свой телефон. Даже на такие вот ухищрения я готова пойти, чтобы *не* шевелить телом сильнее, чем необходимо.

Держа телефон в руке, я проверяю баланс банковской карты и вздыхаю, увидев на нем весьма небольшое трехзначное число. Не то чтобы я удивлена. Я учительница, подрабатывающая музыкантом. Ни одной из этих двух профессий люди не занимаются, ожидая богатства или величия. Все мои счета на этот месяц оплачены, так что я не рискую остаться без денег, прежде чем на следующей неделе получу зарплату. Но я все равно не могу придумать оправданий тому, чтобы раскошелиться на доставку.

Я вздыхаю, отрываю себя от дивана и направляюсь к холодильнику, внезапно задавшись вопросом, а что будет есть на ужин Феликс.

И это нелепо. Я о своем соседе вовсе никогда и не думала, разве что мельком.

А еще я никогда не видела его в нижнем белье.

И *все же*. Если не брать в расчет мышцы пресса, Феликс сегодня точно такой же хоккеист, каким был и вчера, так что не должно быть *никаких* мыслей, мельком или каких-то еще, посвященных ему.

Я достаю из морозилки пиццу и начинаю разогревать духовку, в ожидании прислонившись к столешнице. Пока разговаривала с Феликсом, пропустила звонок от брата, так что я ему перезваниваю, зная, что если не сделаю этого, то он еще как минимум десять раз меня сегодня наберет.

– Грейси! – говорит он, поднимая трубку. – Как поживает моя любимая младшая сестра?

– Она устала и раздражена, а еще она твоя *единственная* младшая сестра. Сам-то как?

– Фантастически. Я только что взял потрясные места на игру «Аппи» на следующей неделе. Чуть выше уровня стекла, так что мы будем достаточно близко, чтобы прочувствовать всю скорость игры, но и достаточно высоко, чтобы Мэддоксу было все видно. Он будет в восторге.

Я вынимаю пиццу из картонной коробки и отколупываю от нее пластик.

– Звучит увлекательно.

– Ты же все еще планируешь прийти на его вечеринку, верно?

Я качаю головой, поражаясь энтузиазму Джоша. До десятого дня рождения его сына еще целый месяц, а он уже не меньше пяти раз меня спрашивал, смогу ли я прийти на вечеринку.

– Джош. У меня в календаре записано. Вечеринку я не пропущу.

– Я знаю, знаю. Но ему же исполняется *десять*, Грейси. Двухзначное число! Это большое дело.

Мне все еще кажется диким, что Мэддоксу уже десять лет. Почти столь же диким мне кажется, что Джош так легко погрузился в отцовство. Ему было девятнадцать, когда он узнал, что его девушка, с которой он встречался два года, забеременела. И пусть даже это разрушило его планы профессионально играть в хоккей – он отыграл половину сезона в колледже и был нацелен на это, – он, не моргнув и глазом, бросил колледж и переехал обратно в Харвест-Холлоу. Они с Джейдой поженились, он стал подмастерьем Джейдиного отца, местного электрика, на которого Джош работает до сих пор, и посвятил себя тому, чтобы стать «отцом, которого его малыш заслуживает». Он *сам* так сказал, когда ему было девятнадцать, и каждый день с тех самых пор он следует этому завету.

– Мэддокс не надумал насчет виолончели? – спрашиваю я. Я пытаюсь убедить моего племянника играть – в следующем году он придет в Среднюю Школу Харвест-Холлоу, и мне бы ну очень хотелось его обучать, – но пока что он проявляет столько же энтузиазма, сколько я по поводу хоккея.

– Не-а. Он говорит, что не против научиться на чем-нибудь играть, но хочет, чтобы это было что-то крутое, вроде барабанов, – говорит Джош.

– То есть ты хочешь сказать, что мне *не стоит* дарить ему свою старую виолончель в качестве подарка на день рождения.

– Я не говорю, что *нельзя*, – отвечает Джош. – Я просто хочу сказать... что ему она может и не понравиться.

– Ладно, – говорю я, ставя пиццу в духовку. – Я сдаюсь. Больше не буду поднимать тему виолончели. И что же мне ему тогда подарить?

– Он сейчас огромный фанат Феликса Джеймисона, – говорит Джош. – Может, купишь одну из его толстовок?

Меня передергивает, когда он упоминает имя Феликса, и я ударяюсь рукой о верхнюю часть духовки, обжигая себе костяшки.

– Ай! – говорю я, выдавая следом парочку ругательств, из-за которых мне хочется надеяться, что Джош общается со мной не по громкой связи. Хотя, судя по тому, как он обсуждает подарки на день рождения Мэддокса, маловероятно, чтобы мой племянник находился в зоне слышимости разговора.

– Ты в порядке? – спрашивает Джош. – Ты что там сделала?

– Руку обожгла. Я в норме. – Я поворачиваюсь к раковине и сую костяшки под струю холодной воды. – Значит, толстовку? – спрашиваю я, прикидываясь дурочкой. – Толстовку «Аппи»?

– Ага. Джеймисона. Он вратарь, и именно на этой позиции хочет играть Мэддокс, так что он сейчас практически одержим. У него его постер на стене висит, и все прочее.

Я закрываю глаза. *Ну разумеется*, у моего племянника на стене висит постер с моим соседом.

И *разумеется*, если бы мой брат узнал, что я живу через стенку от того самого хоккеиста, которым одержим его сын, он бы с ума сошел и настоял на том, чтобы приехать и познакомиться с Феликсом, а потом он бы попытался стать Феликсу лучшим другом, и это бы, наверное, у него получилось, потому что Джош для *всех* лучший друг, а потом он бы стал ВСЕ ВРЕМЯ говорить о хоккее.

А потом в моей идеальной квартире, с ее высокими потолками, неохватными окнами и открытыми воздуховодами, которая кажется современной, и крутой, и именно таким местом, в котором должен жить музыкант, будет *бурлить* еще *больше* хоккейной энергии, чем уже есть, и на сей раз это будет личным, потому что исходить она будет *от моего брата*.

Мне так легко вообразить, что это произойдет.

Но это мой оазис. Я не могу впустить Джоша в мой оазис.

Я выключаю воду и вытираю руку. Она покраснела, но непохоже, что пойдут волдыри.

– А какие книги читает Мэддокс? Может, я ему пару книг куплю.

– Да? Было бы круто, – говорит Джош. – Я спрошу Джейду. Она про книги знает больше, чем я.

– Ок. Просто скажи ей, чтобы скинула мне смс. А еще я могу спросить школьного библиотекаря, может, она что-то посоветует.

– Эй, кстати о Джейде, она завтра утром ведет занятие и заставляет меня пойти с ней. Хочешь присоединиться? Пожалуйста, не заставляй меня заниматься горячей йогой¹ в одиночку.

Я закатываю глаза.

– Ну ты и нюня.

– Я не нюня. Я же пойду, так ведь? Мне просто не нравится страдать в одиночестве.

Я достаю из холодильника диетическую колу, прижимая холодную банку к обожженному месту на костяшках.

– А во сколько у нее занятие? Если вдруг до девяти утра, то меня не жди. Выходной ведь. По выходным я не встаю раньше, чем обычно начинаются уроки.

Мгновение он молчит, прежде чем ответить:

– В шесть тридцать. Но я обещаю, что потом куплю тебе завтрак. Мэддокс сегодня ночует у мамы с папой, так что мы можем забрать его после занятия, а потом он поест вместе с нами. Можешь сама с ним о книгах поговорить.

Я стону. Джош отлично знает, что нужно сказать, чтобы я уступила. Завтрак с ним я бы пропустила, не раздумывая. Но завтрак с Мэддоксом? Даже если это значит, что нужно будет зайти к маме с папой, хотя для меня это и близко не так заманчиво, как для Джоша, но я просто обожаю своего племянника, и Джош это знает.

– Ох. Ладно. Но я надеюсь, что на завтрак будет не какой-нибудь фастфуд. И не «Дом Вафель» тоже. Я хочу что-нибудь хорошее.

– Заметано. Заеду за тобой в 6:15.

– Я могу и на месте с тобой встретиться, если так будет проще.

– Не-е. Я все равно буду проезжать мимо твоей страшной квартиры. Но не заставляй меня подниматься. Не хочу, чтобы меня ограбили по дороге.

Я закатываю глаза.

– Она *не* страшная. Я здесь в полной безопасности. – Не то чтобы я в принципе намеревалась когда-либо позволить Джошу войти. Он может столкнуться с Феликсом, а на такой риск я идти не готова.

– Как скажешь. Но согласись, что с заколоченными досками окнами на первом этаже дом выглядит, как место преступления.

Я и сама гадала, что же находится на первом этаже здания, в котором живу вот уже шесть месяцев. У подножия лестницы есть громадная дверь, но она тяжелая и заперта на замок, и Джош прав насчет наружных окон. Они уже были заколочены досками тогда, как я въехала.

---

¹ Горячая йога – практика занятий йогой в нагретом до 36–40 градусов зале с пониженной влажностью воздуха, для имитации индийского климата, повышенного потоотделения и расслабления мышц.– Прим. переводчика.

Я все собираюсь спросить у домовладельца – если убрать доски, то, по крайней мере, экстерьер улучшится, – но как-то забываю. Наверное, потому что, когда я оказываюсь *внутри* своей квартиры, все становится идеально, и я перестаю беспокоиться о том, как здание выглядит снаружи.

– Клянусь тебе, с тех пор как я въехала, здесь было совершено ноль преступлений.

Я не упоминаю громадного хоккеиста, который спит в квартире по соседству, но на ум все равно на миг приходит обеспокоенное лицо Феликса, когда тот выскочил в коридор. Что-то мне подсказывает, что он *пришел бы* мне на выручку, если бы я в ней нуждалась.

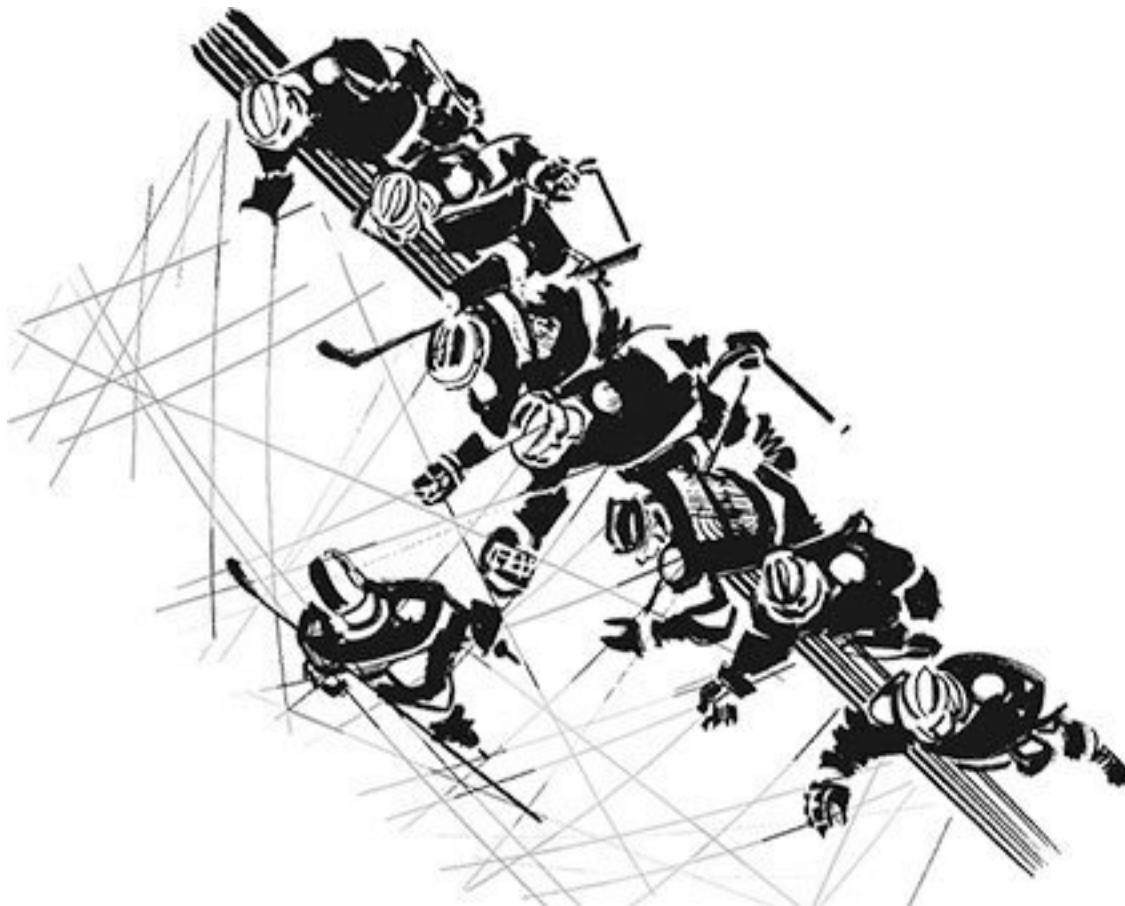
Хоккеист он или же нет, но он просто кажется таким вот парнем.

Не то чтобы мне было дело до того, *какой* парень Феликс. Дела мне нет. А еще мне нет дела до того, как хорошо он выглядел. Вся эта гладкая, подтянутая кожа. Ямочка на щеке. Татуировка, которую я точно *не* хотела бы рассмотреть вблизи. Тот факт, что он назвал произведение Чайковского, словно это пустяк какой-то.

Не-а. Мне вовсе. нет. дела.

Глава 2 Феликс

– Эй, Феликс, – окликает меня Элай через всю раздевалку. – Хочешь вместе поужинать? – Тренировка закончилась, и раздевалка уже почти опустела, хотя это типично. Я обычно не тороплюсь заканчивать душ. Я не против потусоваться с ребятами, так что я не нарочно их избегаю. Но давайте скажем так: против тишины я тоже ничего не имею.

Элай и новый член нашей команды, Логан, который только что выбыл из НХЛ и теперь пытается побороть последствия негативных откликов в прессе после стычки с фанатом, – единственные, кто еще остался. Компанию Элая я вполне могу выносить, да и Логан мне нравится, но ужин?

Я натягиваю худи, покупая тем самым еще пару секунд на раздумья. Я уже один раз на этой неделе ужинал кое с кем из товарищей по команде. Как по мне, я приложил уже достаточно усилий.

Баланс нужно соблюдать осторожно.

Если я поддаюсь своему первому импульсу, то пойду домой, в свою пустую квартиру, поем в тишине, а потом проведу вечер, читая и расслабляясь сам по себе.

Но я достаточно сознателен – читай: я достаточно долго ходил на терапию, – чтобы понимать, что если я хочу, чтобы в моей жизни когда-либо появилось что-то *еще*, то я этого не найду, если буду и дальше жить затворником. Так что я выбираюсь в свет с товарищами по

команде. Ужинаю с друзьями. Делаю над собой осознанные усилия, чтобы взаимодействовать с окружающими людьми.

И я очень даже неплохо справляюсь.

Я уже два года играю за «Аппи», и ребята из команды кажутся мне друзьями, а не только товарищами по игре. Да и к Харвест-Холлоу я прикипел. У меня есть любимые рестораны, место, где мне больше всего нравится брать кофе. Я даже знаю людей, не входящих в мою хоккейную команду, а это что-то да говорит, учитывая, сколько времени мы проводим в разъездах.

Для обычного человека это, может, и не покажется таким уж значимым, но для меня каждая унция нормальности, которой удается добиться, достойна внимания. Моя социальная тревожность висела у меня над головой с самого детства. Лишь терапия дала мне возможность нормально функционировать; покуда мой мир остается маленьким, продуманным, я могу функционировать так, чтобы никто больше не догадался о том, что у меня есть какие-то проблемы.

Но они всегда маячат где-то на задворках сознания. У меня выработался своеобразный внутренний барометр, который постоянно измеряет, взвешивает, задает вопрос. Как у меня *на самом деле* дела?

Если я позволю себе пойти домой вместо того, чтобы сказать «да» ужину с Элаем, то не разрешу ли я себе просто-напросто спрятаться? Или же я заслужил тихий вечер?

Я думаю о своей соседке и нашем столкновении на прошлой неделе. Я надеялся снова ее увидеть, желательно будучи одетым не только в трусы.

При воспоминании об этом меня накрывает волной стыда. Я только что вышел из душа и как раз был в процессе одевания, когда она завопила из коридора. От этого звука меня прошибло разрядом адреналина, и я даже не задумался. Просто побежал.

Не то чтобы я возражал, когда ее глаза стали шарить по мне. Грейси никогда не удоставала меня вторым взглядом. Мне бы не хотелось встречаться с женщиной, которой от меня нужно лишь мое тело, но если, увидев меня без рубашки, она заметит меня, хотя раньше не замечала? Я не против. Я упорно тренируюсь, чтобы оставаться в форме. Можно, пожалуй, и воспользоваться преимуществами этого, какими бы они ни были.

Жгучее желание увидеть Грейси кажется достаточно веской причиной отправиться домой. Даже мой психотерапевт не стал бы возражать, если это означает возможность того, что я начну с кем-то встречаться.

– Не-е, не сегодня, – говорю я, наконец отвечая Элаю. – У меня, эм, встреча с Айви. – Не то чтобы ложь. Айви я зову свою библиотеку. Это моя любимая часть квартиры. Она заслуживает имени.

Логан фыркает, и я поднимаю голову, чтобы встретиться с ним глазами. Он единственный парень в команде, который знает, кто такая Айви на самом деле. Или *что* такое Айви на самом деле, наверное. А также он единственный, кто что-либо знает о моей тревожности. И это странно, ведь он самый новый член команды. Хотя сошлись мы довольно быстро. Плюс он встречается с Паркер, менеджером соцсетей нашей команды. Характер ее работы требовал, чтобы я был с ней честен касательно того, с чем могу и с чем не могу справиться, когда дело касается всяких рекламных мероприятий, так что рассказать и Логану казалось естественным дополнением.

– Серьезно, когда мы уже познакомимся с этой женщиной? – спрашивает Элай.

– Да, Феликс, – эхом отзывается Логан. – Когда мы уже с ней познакомимся?

Я плюхаюсь на скамейку и натягиваю обувь.

– Айви любит уединение.

Логан закатывает глаза, затем хлопает Элая по спине, говоря ему что-то такое, чего мне не расслышать. Элай кивает и направляется к двери, а Логан подходит ко мне.

– Серьезно?– спрашивает он, падая на скамейку рядом со мной.– Ты должен встретиться с Айви?

Я поднимаю руки.

– Клянусь, ничего личного.

– Мне можешь ничего не объяснять, мужик. Ты волен проводить свое время так, как хочешь.– Логан ненадолго умолкает.– Просто... ты в порядке?– Выражение лица у него серьезное, как будто он спрашивает *не просто так* и будет сидеть здесь столько, сколько мне потребуется, чтобы дать ему настоящий ответ.

– У меня все хорошо, – говорю я, прямо встречаясь с ним взглядом. – Просто хочу домой.

Логан ничего не говорит, но я по его лицу вижу, что ему хочется более развернутых объяснений.

Я вздыхаю и провожу рукой по бороде.

– Я просто... надеюсь, что натолкнусь на свою соседку. – Теперь, произнеся это вслух, я понимаю, какую глупость сказал, и мне хочется взять свои слова обратно.

Соседка у меня только одна, и Логан ее видел, так что он в точности знает, о ком я говорю.

– Соседку, которая не любит хоккеистов? – спрашивает он, поднимая брови.

– Она не любит *хоккей*, – поясняю я. – Это не одно и то же.

– Точно, – сухо отвечает Логан. – Совершенно разные вещи.

– Правда, она мне сказала, что не *встречается* с хоккеистами,– добавляю я немного застенчиво.– Так что, может, это все-таки *и впрямь* одно и то же.

Логан издает смешок.

– А почему мы это обсуждаем?

Хороший вопрос. Я знаю лишь то, что мысль о возможной встрече с Грейси будоражит меня сильнее, чем идея столкнуться с кем-либо другим, кого я знаю в Харвест-Холлоу. И я мог бы слушать, как она репетирует на своей виолончели всю ночь напролет. Когда я впервые услышал звук виолончели, доносящийся из-за нашей общей стены в гостиной, я подумал, что это запись. Я и не сознавал, что это *она*, пока она несколько раз не останавливалась и не начинала заново, многократно проходя по одному и тому же отрывку. В итоге я передвинул одно из кресел в гостиной к стене, чтобы можно было сидеть и читать, и при этом все равно быть достаточно близко, чтобы ее слышать.

– Не знаю, мужик, – говорю я. – Видимо, мне нравится страдать.

Я встаю и подхватываю сумку.

– А знаешь, может, твоей *соседке* нужно познакомиться с Айви. – Он достает свою сумку из шкафчика в паре шагов от меня, а затем бросает на меня многозначительный взгляд. – Я ее на днях видел в «Книжнике». По крайней мере, мне кажется, что это была она. Если ей нравятся книги, то твоя библиотека может заставить ее позабыть о том, что ты играешь в хоккей.

– Что за «Книжник»? – спрашиваю я, и он кивает.

– Книжный магазин на Мейпл-стрит. Ты там никогда не бывал? Чувак, да ладно. Ты? Я думал, это твое любимое место.

Мы вместе направляемся к двери.

– Считаю это инстинктом самосохранения. У меня закончилось место на полках.

– Ага. А в твоей квартире так тесно, что места для новой полки ну никак не найдется.

Мои губы подрагивают. Парни любят дразнить меня из-за моей просторной квартиры – хоккеисты низшей лиги не то чтобы купаются в лишних деньгах, – но они никогда бы мне этого не спустили, если бы узнали всю правду.

Я могу позволить себе свою квартиру потому, что владею всем зданием.

Я купил его год назад на деньги из бабушкиного трастового фонда. Первоначально я собирался сделать так, чтобы моя квартира занимала весь верхний этаж, но квартира Грейси

уже была укомплектована как жилое помещение, так что я решил, что, возможно, будет неплохо получать небольшой доход от аренды, чтобы проще было платить налог на имущество. Изначально в этом здании базировалось Семейное Издательство Шеффилдов. Они печатали учебники для начальной школы, простые книжки для чтения – такое вот все. Я вполне уверен, что главный редактор жил в теперешней квартире Грейси, до тех самых пор, пока в начале 2000-х компания не обанкротилась. Моя квартира гораздо больше, чем у нее, она занимает все то пространство, на котором располагались непосредственно печатные станки. Я сохранил оригинальные полы в гостиной, и на широких деревянных досках все еще видны пятна от чернил.

Я понимаю, как это звучит. Люди слышат *«трастовый фонд»* и думают, что я наверняка богат. Или и того хуже – они встречают моего отца и делают то же самое предположение. Но тот трастовый фонд, что оставила мне бабушка, – это копейки по сравнению с теми деньгами, которые зарабатывает мой отец. Он занимается строительством недвижимости в Чикаго, где я вырос, и владеет, по моим ощущениям, половиной города. Если бы я пошел в бизнес следом за ним, то мое имя стояло бы на документах о владении не только лишь одним зданием, а на балансе моего банковского счета было бы куда больше цифр.

А еще я не играл бы в хоккей. Так что. Ну вот так.

Несмотря на разочарование отца из-за каждого сделанного мной профессионального выбора, я счастлив и тем, что имею. Зарплата у игрока низшей лиги не впечатляющая, но я вложил то, что осталось от моего трастового фонда после того, как я купил это здание, и получаю достаточно прибыли, чтобы вести комфортную, если уж не роскошную, жизнь. К тому же у меня есть и деловые планы на будущее касательно первого этажа склада. Они стоят на паузе до тех пор, пока не закончится сезон, но я все равно в предвкушении.

– Пожалуй, я мог бы повесить пару дополнительных полок в гостевой спальне, – говорю я. – Ты правда думаешь, что Грейси нравятся книги?

Логан вскидывает руки.

– Я только знаю, что видел ее в книжном. Хочешь, я спрошу у Паркер, может, она ее знает? Если Грейси выросла в этих краях, то это вполне возможно. – Пусть даже отношения между Логаном и Паркер еще относительно новы, они оба выросли в Харвест-Холлоу и знают друг друга много лет – с тех пор как были детьми.

– Ты не обязан это делать. Или... ты мог бы, наверное, – говорю я. – Но только если это всплывет в разговоре.

– Да дело-то пустяковое. Я просто спрошу ее. Ты знаешь ее фамилию? И что еще ты вообще о ней знаешь?

Я стону, гадая, а не пожалею ли я об этом.

– Немного. Зовут ее Грейси Митчелл. Она ведет занятия по оркестру в Средней школе Харвест-Холлоу. Играет на виолончели. И ненавидит хоккей, – добавляю я, как будто вспомнив об этом в последний момент.

– Понятно, – говорит Логан, уже печатая что-то в телефоне. – Я дам тебе знать, что она ответит. – Он сует телефон в карман, как раз когда мы добираемся до парковки. Воздух на улице свежий и прохладный, от него официально веет осенью. Не той фальшивой осенью, которая часто бывает на юге, когда лето исчезает на три дня, а потом возвращается с новыми силами. А настоящей, всамделишной осенью. Такой, которая уже никуда не уйдет.

Худи у меня теплое, но я все равно жалею, что не надел что-то чуточку потеплее.

– А есть идеи, *почему* она ненавидит хоккей? – спрашивает Логан.

– Я только знаю, что ее брат играл, – говорю я. – По ее словам мне показалось, что ее семья много времени проводила на льду, болея за него.

Логан чешет подбородок.

– Ты сказал, ее фамилия Митчелл?– Он хмурит лоб, затем останавливается на краю парковки.– Погоди. Кажется, я знаю ее брата. Джош Митчелл. Он был отличным крайним нападающим. *Блин*, я годами о нем не вспоминал. Интересно, что с ним стало. Я был уверен, что он будет играть за свой колледж, может, даже в профессионалы пойдет.

– Да? Он был настолько хорош?

– В старших классах да, но это не всегда что-то значит. Но я точно спрошу у Паркер. Она наверняка знает.

На парковке мы расходимся, и я еду домой по Мейпл-стрит, чтобы взглянуть на тот книжный магазин. Внутри я не захожу, но с виду он похож на такое местечко, в котором мне понравилось бы зависать, так что я делаю себе мысленную пометку вернуться сюда как-нибудь на выходных, когда нужно будет убить лишнее время. Теперь же, когда сезон официально начинается, выходных у меня особо не будет, но я урву, что смогу.

«Хонда» Грейси уже припаркована на ее месте, когда я ставлю свою «Ауди» рядом с ней. Просто смешно, какое счастье я при этом испытываю. До прошлых выходных я был *в порядке*. Но теперь, когда я допустил возможность того, что она мне на самом деле нравится, мой мозг словно бы врубил пятую передачу и превратил меня в потеющего, нервного ученика средней школы.

Что я вообще планирую делать? Постучать в ее дверь, просто чтобы сказать привет? Если не случится так, что она будет выходить, когда я буду заходить, то я, наверное, и вовсе ее не увижу.

Я обдумываю свои варианты, запирая машину и направляясь к дверям склада, останавливаюсь на тротуаре перед домом, чтобы проверить почту.

Я мог бы... приготовить ужин и постучать в ее дверь, предлагая ей лишнюю порцию. Или же я мог бы попросить ее одолжить мне яйцо или стакан молока, или еще что-нибудь. Может, я мог бы слишком громко включить музыку в надежде на то, что она придет попросить меня ее приглушить?

Я открываю свой почтовый ящик и достаю скопившуюся за несколько дней почту. Раз уж нас здесь живет только двое, мы пользуемся традиционными черными почтовыми ящиками, стоящими бок о бок чуть справа от тяжелых складских дверей.

Я роюсь в стопке писем, и – *да*.

Наш почтальон теперь мой новый любимый человек. У меня два адресованных Грейси письма. Будет вполне по-соседски отдать их ей лично.

Я поднимаюсь по лестнице, перескакивая через ступеньку, сердце уже колотится.

Я справлюсь. Это не такое уж большое дело. У меня ее почта. Ей нужна ее почта. Вот и все.

Курсирующее во мне возбуждение кажется почти чужеродным из-за того, как давно я не испытывал ничего подобного. Я немного раз встречался с девушками с тех пор, как переехал в Харвест-Холлоу. Но у меня никогда не было отношений, которые продлились бы дольше, чем пару свиданий. С моей полунеловкостью это сложно. С хоккеем еще сложнее. Учитывая то, как много мы разъезжаем в течение сезона, встречаться с кем-то всерьез трудно, а мне как-то не по нраву случайные встречи, которых ищут многие другие парни, пока мы в дороге.

Я прекрасно осознаю, что до нашего первого предсезонного домашнего матча остались считанные дни. После этого будет неделя тренировок, потом на выходных турнир в Атланте, после чего мы вернемся в Харвест-Холлоу на официально открывающий сезон матч. После этого я в дороге буду проводить не меньше времени, чем дома.

Но если я воспользуюсь этим как поводом не попытаться что-то начать с женщиной, то я *никогда не попытаюсь*. До тех самых пор, пока не брошу играть в хоккей, а это даже обдумывать как-то слишком уж одиноко и депрессивно. Несколько парней из команды поддержи-

вают стабильные отношения, а кое-кто из них даже женат. Если я этого хочу, то придется себя пересилить.

Я роняю сумку на пол перед своей дверью и делаю еще два шага к двери Грейси. Я поднимаю кулак, быстро стучу, а потом вытираю ладонь о штанину своих спортивных. Лишь тогда я понимаю, что все еще держу всю *свою* почту вместе с ее, так что я поворачиваюсь и бросаю свою к сумке. Вместо того, чтобы приземлиться в одно место, письма разлетаются, словно конфетти на ветру, покрывая весь узкий коридор перед нашими квартирами.

Я ругаюсь себе под нос, затем разворачиваюсь, чтобы все подобрать, и в процессе роняю почту Грейси.

Я практически сижу на корточках, задницей к двери Грейси, когда она вдруг ее открывает.

– Феликс? – говорит она.

– Привет, – говорю я, быстро вставая и роняя те письма, что я собирал. Я мигом разворачиваюсь к ней лицом. – У меня твоя почта.

У меня, собственно говоря, нет ее почты. Или *вообще какой-либо* почты. Она вся по-прежнему лежит на полу.

Она оглядывает коридор, в глазах застыл вопрос.

– Правда?

– Да, она... прости. Я ее уронил. Но здесь есть пара вещей, адресованных тебе. – Я опускаюсь на корточки, принимаюсь собирать почту – *снова* – и стараюсь не думать о том, какой же я идиот. – Точно. Вот оно. Грейси Митчелл. – Я протягиваю ей письма. – Эти два твои.

Она берет письма, окидывает их медленным взглядом, прежде чем снова посмотреть на меня, подняв брови.

– Вау. Реклама от местного ортодонта и предложение завести новую кредитку. Не знаю, что бы я без них делала, – говорит она с усмешкой в голосе.

Мои щеки стремительно раскаляются.

– Точно. Ну, то есть конечно. Я знал, что это спам. Но там стояло твое имя. Мне показалось неправильным их выбрасывать. Я даже вполне уверен, что это расценивается как уголовное преступление.

Она прислоняется к дверной раме и похлопывает письмами по ладони, пристально меня разглядывая, на губах ее играет улыбка.

Только тогда я по-настоящему замечаю, во что она одета. Она вся в черном. Узкие брюки в тонкую продольную полоску, прозрачная черная блуза поверх черного топика и каблуки. Ее темные волосы распущены по плечам, а ее карие глаза кажутся еще больше, чем обычно. Может, потому что на ней больше косметики? Она выглядит потрясающе. Ну, типа «*у меня дыхание сперло*», вот как потрясающе.

– Знаешь, – говорит она, и я заставляю себя сосредоточиться на ее словах. – Когда я получаю твою почту, я просто сую ее в твой почтовый ящик.

Я сглатываю.

– Точно. Да. Я могу сделать так же в следующий раз. – Я делаю шаг назад, к своей квартире.

– Но все же спасибо, – говорит она. – Я ценю, что ты ее занес.

Я умудряюсь кивнуть, но на самом деле мне хочется просто сбежать, чтобы в уединении посокрушаться по поводу своих жалких потуг общаться. И все же я не могу удержаться и не спросить:

– Ты куда-то идешь? – Вопрос звучит словно бы обвинительно, так что я быстро добавляю: – Я спрашиваю лишь потому, что ты очень здорово выглядишь. Не в том смысле, что ты обычно так не выглядишь. Еще как. Но сегодня, весь этот черный цвет. Ты – хорошо.

Я закрываю глаза и морщусь. *Ты хорошо?* Да я с тем же успехом мог бы постучать себя в грудь кулаками и заухать, как пещерный человек.

Она опускает взгляд на свою одежду.

– О. Спасибо. У меня сегодня выступление.

– А. Теперь понятно, к чему черный. С симфоническим оркестром? Что играет? – Я все собирался поискать Симфонический оркестр Харвест-Холлоу в интернете. Посмотреть, когда у них выступления. И не только из-за Грейси. Я хотел это сделать еще до того, как вообще узнал, что она играет на виолончели.

– Сегодня не с оркестром, – говорит она. – Просто квартет. Мы – фоновая музыка на каком-то ужине в бизнес-бюро в деловом центре города.

– Ну и как подобное выступление по сравнению с симфоническим оркестром?

Она поджимает губы и кривит их вбок.

– И близко не так здорово, как с оркестром, хотя платят лучше. Но не так плохо, как играть на свадьбе.

– А что не так со свадьбами?

Она бросает на меня забавный взгляд.

– Ты когда-нибудь замечал партию виолончели в «Каноне Пахельбеля»?

Мне безумно нравится, что она вот так со мной разговаривает – немного приоткрываясь.

– Наверное, она не очень увлекательная?

Ее губы приподнимаются в косой ухмылке.

– Одни и те же восемь нот, которые играешь снова и снова.

– Понимаю, о чем ты, – говорю я.

Мы стоим так еще пару секунд, пока неловкость не становится практически невыносима. *Почему же* все так неловко? Дело во мне? Или же ей просто не хочется со мной разговаривать?

– Что ж, ладно, мне пора идти, – говорит она. Она протягивает руку за дверь и берет пальто, надевая его, прежде чем обернуть шею горчишно-желтым шарфом. Этот цвет вытягивает на свет золотые хлопья в ее темно-карих глазах.

– Точно. Конечно. Не позволяй мне себя задерживать. – Я выуживаю свои ключи и отпираю дверь квартиры, затем подбираю сумку.

Грейси выходит из своей квартиры, забросив за спину виолончель. Она поворачивается, чтобы запереть дверь, потом проходит мимо меня, на ее лице нерешительная улыбка.

– Удачи сегодня, – говорю я.

Она кивает, выражение лица у нее по-прежнему опасливое, словно она не понимает, что обо мне думать. Дойдя до верхней ступеньки, она вдруг оборачивается.

– Ой, вообще-то я хотела у тебя кое-что спросить.

Я тут же приободряюсь.

– Конечно.

– Я просто думала, а нет ли у тебя способа напрямую связаться с нашим домовладельцем. У меня с плитой что-то не то, и я пыталась писать по электронной почте тому агенту, через которого подписывала документы на аренду, но она мне не отвечает.

Я хмурюсь. Что-то не так с ее плитой? Агент *должна бы* ответить и передать мне все вопросы Грейси. Проблема в том, что я не могу просто взять и сказать это Грейси, потому что она не знает, что ее домовладелец на самом деле *я*.

Мне это порекомендовала агент по недвижимости, с которой я работал, – чтобы я не афишировал, что именно я владею зданием. Она сказала, что дать жильцам знать, что их домовладелец живет буквально по соседству, – это верный способ сделать так, что люди станут беспокоить тебя постоянно, жалуясь на всякое, выдвигая требования. Тогда это казалось логичным, но теперь, когда я узнал Грейси немного получше, подобная предосторожность кажется

необо-снованной. Она ведет себя совершенно спокойно, не жалуется ни о единой мелочи в своей квартире.

До сих пор. Но если у нее с плитой что-то не так, то это уже не жалоба. Это легитимная потребность, и я должен с ней разобраться.

– Э, да, – отвечаю я. – Кажется, у меня где-то есть его номер. Или, может, почта? Посмотрю, получится ли его найти для тебя.

Она кивает.

– Спасибо. Дело несрочное, ничего такого, но, может, когда в следующий раз увидимся, ты мне его и передашь?

Я киваю.

– Конечно. Звучит неплохо.

Я смотрю, как она исчезает в конце лестницы, затем медленно возвращаюсь в свою квартиру.

Ну, то есть все могло пройти и *хуже*. Мне никогда особенно не давались разговоры с женщинами, даже несмотря на всю ту практику, которую меня заставил проделать мой психотерапевт. И у меня определенно случались разговоры куда кошмарнее, чем этот. И здорово ведь, что у меня теперь есть причина снова с ней поговорить. Потому что, когда я буду давать ей номер домовладельца, мне придется ей сказать, что он *мой*. Но это не значит, что она мной заинтересуется. А мне *правда* не кажется, что я ей интересен.

Я встаю у столешницы, уперев руки в бедра, и усмехаюсь.

Это забавно. Обычно информация о том, что я хоккеист, действует на женщин прямо *противоположно*.

К сожалению, из-за того факта, что это вовсе не производит на Грейси никакого впечатления, она нравится мне еще больше.

Глава 3 Грейси

– Ох, я так рада, что не единственная опоздала, – говорит Джойс, моя партнерша по пульту, когда я опускаю свой инструмент на пол гримерной и снимаю пальто. Футляр от виолончели Джойс лежит перед ней открытый, так что она пришла на пару минут раньше меня, но она все еще натирает канифолью свой смычок, так что *лишь* на пару.

Дирижер нашего оркестра совершенно не терпит опозданий, особенно в вечера выступлений, так что напряжение на лице Джойс вполне оправданно. Судя по звукам, остальные оркестранты уже на сцене, разогреваются.

– Движение на дорогах было куда хуже, чем я ожидала, – говорю я. – Клянусь, в городе наверняка миллион туристов, съехавшихся посмотреть на осенние листья.

Харвест-Холлоу примостился в Аппалачах, между Ашвиллом и Ноксвиллом, и стал вроде как центром притяжения для любителей посмотреть на листья осенью. Для экономики это здорово, так что я не могу жаловаться. К тому же высока вероятность того, что многие люди, сидящие сейчас среди публики, – это те же самые люди, которые заполнили дороги. Но публика едва ли имеет значение, если я потеряю место в оркестре из-за того, что пропущу наше первое осеннее выступление.

Я поспешно открываю футляр и достаю свою виолончель.

– Разве можно их винить за то, что приехали? Краски в этом году просто невероятные, – говорит Джойс. – Но народ, наверное, еще и ради хоккейного матча прибыл.

Я поднимаю глаза.

– Сегодня хоккейный матч? – Это бы объяснило, почему на Феликсе был костюм – и смотрелся он так хорошо, что словами не описать, – когда я увидела, как он сегодня выходил из дома.

– Завтра, – говорит Джойс. – По крайней мере, так мой муж говорит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.